

Раздел II.

Гражданская война в России

Поршнева О. С.

Гражданская война в России в человеческом измерении: некоторые итоги изучения

Основным направлением переосмысления проблем Гражданской войны в постсоветской историографии стало перенесение центра тяжести в ее изучении с политической и военной истории на социальную и культурную. В числе приоритетных стали рассматриваться поведение различных слоев населения и их стратегии выживания в условиях смуты, общественное сознание кризисной эпохи, психологический облик основных участников исторической драмы, влияние изменений в социальной психологии различных слоев общества на дальнейший ход общественного развития. В изучении Гражданской войны с позиций социальной и культурной истории определяющую роль играет ее рассмотрение как важного этапа в процессе социокультурной трансформации российского общества в начале XX в. — эпоху войн и революций, изменивших социальный и социально-психологический облик населения страны.

Особую роль в тенденциях в данной сфере, проявившихся в годы Гражданской войны, сыграли изменения в сознании и поведении массовых слоев общества, произошедшие в результате Первой мировой войны и революции 1917 г., которые стали предпосылками социокультурных сдвигов периода Гражданской войны. К ним можно отнести разочарование большинства населения

в традиционной власти, изменение моральных установок в оценке пределов и допустимости насилия, коррозию религиозной веры; озлобление крестьянства против помещиков, хуторян, горожан; массовые настроения рабочих в пользу государственного регулирования производства и перераспределения ценностей¹.

В период революции 1917 г. в условиях активизации пропаганды леворадикальных политических партий и групп был вызван к жизни психологический механизм эскалации ненависти низов по отношению к «внутренним врагам», помещикам и буржуазии, стимулировавшей акты социального возмездия. Ликвидация частной собственности, основ экономического неравенства, перераспределение богатств, насилие и принуждение по отношению к «классовым врагам» стали рассматриваться массами как необходимые компоненты и условие успешного движения к социализму, идеал которого укрепился в их сознании в ходе революции.

С точки зрения истории опыта, к последствиям мировой войны, которые оказали наибольшее воздействие на дальнейшее развитие России, (в том числе поведение людей в период Гражданской войны. — О. П.), по мнению И. В. Нарского, принадлежит формирование чрезвычайно активной и потому заметной, относительно большой группы бывших фронтовиков, воплотивших новый архетип русского солдата. Это были хладнокровные и честлюбивые, утратившие социальные корни молодые люди, в большинстве своем — грамотные крестьянские сыновья, сделавшие затем карьеру в Красной Армии и ЧК². По мнению И. В. Нарского, такой солдатский тип Первая мировая вырабатывала во всех участвовавших в ней странах, и особенно интенсивно в России: «Прошедшие ускоренную вторичную социализацию на модернизированной войне, многие российские фронтовики оказались более отзывчивы к призывам расправиться с прошлой «отсталостью» и к обещаниям «светлого будущего». Принудительно-модернизационный опыт 1914 — 1916 гг. сказался и в том, что русская армия воспитала множество врагов «устаревшего» сельского образа жизни. Об этом свидетельствует беспримерная жестокость в отношении крестьянства

¹ См. Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. — М., 2004.

² Нарский И. В. «Я как стал средь войны жить, так и стала мне война, что дом родной...» Фронтвой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России. — Челябинск, 2007. — С. 499.

в годы Гражданской войны и «военного коммунизма». В окопах Первой мировой войны фронтовики мечтали о том, чтобы отомстить тыловым «предателям» и «трусам». Уже к началу 1917 г. они понимали восстановление справедливости как наведение порядка и принуждение «необстрелянных» соотечественников к дисциплине на военный лад, то есть как превращение тыла во фронт. Именно так они вскоре и поступили»¹.

В России к весне 1918 г. кризисные процессы революционного развития, усугубленные длительным состоянием войны, привели к небывалой экономической разрухе, голоду и безработице в городах, дезорганизации транспорта, падению промышленного производства, натурализации народного хозяйства, и, что чрезвычайно важно, — неустойчивости власти, не признаваемой значительной частью населения, породившей своими действиями глубокий раскол и противостояние в обществе. В этих условиях сознание основной массы населения характеризовалось отличительными чертами, присущими «психопатологии Смуты»: крайней неустойчивостью, частыми переходами от страха к агрессии, стремлением нажиться за чужой счет, перераспределить собственность, склонностью к локализации негативных психологических комплексов на образе внутреннего врага, неуверенностью в завтрашнем дне (чему, кстати, не противоречила вера в мировую революцию, призванная на психологическом уровне сыграть роль защитного механизма), одновременной готовностью к жертвенному подвигу, смерти и желанием выжить во что бы то ни стало (что было во многом также наследием милитаризованного сознания, опыта, приобретенного на войне).

Изменение сознания и психологии партийно-политической, военной элиты и масс в условиях Гражданской войны стало одним из перспективных направлений исследований последних двух десятилетий. Здесь также, как и при решении других проблем, историки показывают преобладание процессов изменений, наметившихся в этой сфере в условиях мировой войны и революции 1917 г., усугубленных обстоятельствами Гражданской войны.

Востребованными оказались идеи Питирима Сорокина, который показал, что социальная смута всегда сопровождается моральной деградацией общества. Крупный социолог XX в. разрабатывал проблемы трансформации психологии и поведения масс, различ-

¹ Там же. — С. 499–500.

ных социальных групп в переходные эпохи от одного базисного социокультурного строя к другому. Он, в частности, обосновывал роль войн и революций XX в. в изменении ценностей и поведенческих реакций масс¹. По мнению социолога, в результате этих катаклизмов произошла дезинтеграция моральных, правовых и других ценностей, которые изнутри контролировали и управляли поведением индивидов и групп². Объясняя эту трансформацию, он отмечал, что совершаемые нами действия не проходят бесследно для нас самих, наши поступки рикошетом видоизменяют нашу душу и наше поведение. Тем более это относится к актам и поступкам, прививаемым войной и революцией. «И война, и революция представляют могучие факторы изменения поведения... Мирная жизнь тормозит акты насилия, убийства, зверства, лжи, грабежа, обмана, подкупа и разрушения. Война и революция, напротив, требуют их, прививают эти рефлексy, благоприятствуют им всячески... Война и революция требуют беспрекословного повиновения (в противовес творчеству, праву и т. п.), душат личную инициативу, личную свободу, прививают и приучают к чисто разрушительным актам, отрывают и отучают от мирного труда... Война и революция выращивают и культивируют вражду, злобу, ненависть, посягательство на жизнь, свободу и достояние других. Следствием войны и революции является «оголение» человека от всего костюма культурного поведения. С него спадает тонкая пленка подлинно человеческих форм поведения, которые представляют нарост над рефлексами и актами чисто животными»³.

Милитаризация сознания и поведения комбатантов вследствие участия в длительной Первой мировой войне, революционном терроре и братоубийственном насилии Гражданской войны оказала существенное влияние на массовую психологию россиян. По мнению известной исследовательницы Е. С. Сеньявской, это определило многие феномены последующей советской истории. Она пишет: «Психология гражданской войны — явление особенно страшное. Поиск врага извне перемещается внутрь страны, поня-

¹ См.: Сорокин П. Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет. — М., 1994. — С. 458–460; Он же. Главные тенденции нашего времени. — М., 1993. — С. 29–30.

² Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. — С. 29–30.

³ Сорокин П. Современное состояние России // Общедоступный учебник по социологии. — С. 458–459.

тия «свой-чужой» теряют прежнюю определенность, и тогда «врагом» может стать каждый, причем категории «чужеродности» постоянно меняются и расширяются. Всеобщая подозрительность, на многие десятилетия закрепившаяся в советском обществе, — прямое следствие этого процесса»¹.

Исследования последних десятилетий были посвящены как изучавшимся и ранее различным сторонам государственного строительства и политики большевиков в годы Гражданской войны, так и большевистской политической культуре этого периода. Их выводы свидетельствуют об особой роли насильственных методов в политике большевиков, как в центре, так и на периферии², обусловленной доктринальными основами их стратегии, теоретическим обоснованием необходимости насилия по отношению к эксплуататорским классам³, и обстоятельствами политической борьбы.

Широкое распространение насилия является одной из отличительных черт революционных эпох. Гражданская война в России вызвала эскалацию насилия в невиданных ранее масштабах, обусловленных не только остротой и глубиной социально-политического конфликта, но и появлением современных видов оружия массового поражения, теми громадными запасами вооружений, которые оставила России в наследство Первая мировая война.

Если в советской историографии приоритетное внимание уделялось показу белого террора, то на рубеже 1980 — 1990-х гг. и в дальнейшем в 1990-х гг. фокус публицистики и в большой степени исследовательского внимания был сосредоточен на изучении красного террора, что воплотилось в выходе монографий на эту тему в начале 2000-х гг.⁴ Одной из актуальных тем работ стал также морально-психологический и социальный облик большевиков, пред-

¹ Сенявская Е. С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. — 1995. — № 3. — С. 7.

² См.: Бакулин В. И. Насилие как компонент государственной политики: большевики в Прикамье (конец 1917 — середина 1919 г.) // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. — М., 1997. — С. 171–179; Урал в событиях 1917 — 1921 гг. Актуальные проблемы изучения. — Челябинск, 1999.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 36. — С. 127–128; Т. 38. — С. 74; и др.

⁴ Красный террор в годы гражданской войны. — М., 2004; Литвин А. Л. Красный и белый террор 1918 — 1922. — М., 2004; Балмасов С. С. Красный террор на Востоке России в 1918 — 1922 г. — М., 2006; Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 г. — СПб., 2006; и др.

ставителей партийно-государственного аппарата в годы Гражданской войны, в том числе на материалах Урала¹, что являлось отчасти реакцией на замалчивание или тенденциозную интерпретацию негативных явлений в среде коммунистов, партийном и государственном аппарате в советской историографии. Были обоснованы новые по сравнению с предшествующим периодом выводы о широком распространении двойной морали, злоупотреблений служебным положением, стяжательства, пьянства и других пороков среди коммунистов в центре и на местах, пронизанности этими явлениями партийно-государственного аппарата сверху донизу.

В 1990-е гг. осуществлялось активное изучение политической культуры различных социальных групп российского общества в годы Гражданской войны с современных методологических позиций новой социальной, новой культурной, новой интеллектуальной истории, истории повседневности. Оно велось, в частности, в рамках дискурсного подхода, в контексте изучения генезиса и эволюции образов-ассоциаций и символов как наиболее представительного и яркого материала по истории социальной психологии, сознания и поведения социальных групп, пути расширения и детализации жанра исторического социального портрета². В частности, В. С. Тяжельниковой исследовалось формирование и эволюция революционной жертвенности как существенного элемента поведенческой модели коммунистов 1900–1920-х гг. Автор показывает, что до и во время революции складывалась система ценностей, в которой социальный идеал светлого завтра подчинял себе всю общечеловеческую картину мира³. Идеал человеческого, земного счастья становится недостижим, удаляется во времени и пространстве, а «идеал абсолютного счастья, — как писал Й. Хейзинга, — шагнул через границу жизни и вылился в стремление к смерти»⁴. В контексте насилия эпохи революции и Гражданской войны, по данным исследовательницы, именно в образе смерти и

¹ Обухов Л. А. Изнанка сверхценностных установок: моральный облик большевиков в годы гражданской войны // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. — С. 161–170. Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917 – 1920 гг.) // Отечественная история. — 1997. — № 5.

² Тяжельникова В. С. «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» (Генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов) // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. — М., 1999. — С. 411.

³ Там же. — С. 412.

⁴ Цит. по: Там же.

связанных с ней символах наиболее полно выражалось коммунистическое миропонимание. Эта образная символика включала идеи возмещения жертвы (несоединимые в нормальном человеческом сознании с понятием самопожертвования), неизбежности отмщения и призывы к мести, беспощадности отмщения, бессмертности жертвы, каждодневности жертвоприношения. В. С. Тяжельникова пишет: «В процессе борьбы-мести воспитывалось отсутствие страха перед смертью, формировалась уверенность и в целесообразности жертвы, и в обязательном возмещении за нее в будущем. Образ компенсированной смерти-жертвы выводит революционную жертвенность за пределы этических систем, основанных на бескорыстном самопожертвовании, придает ей целенаправленный прагматический характер»¹.

Обстоятельства выхода России из Первой мировой войны, их преломление в сознании различных классов и социальных групп народа, прежде всего рабочих, способствовали ускорению начавшегося после Февральской революции 1917 г. процесса становления социально-психологического феномена жертвенности — специфической черты группового сознания профессиональных революционеров, которая превращалась в одну из черт сознания и поведения революционизирующихся низов. Эта тенденция сознательно поддерживалась социалистами и закреплялась в ходе приобщения масс к действиям ритуального характера во время похорон жертв революции, на митингах, собраниях, манифестациях, новых празднеств². Во время Гражданской войны идея самопожертвования во имя «защиты завоеваний революции» оказалась востребованной в наибольшей мере, закрепляясь в сознании не только большевиков, но и политизированных масс, определяя стереотипы массового сознания и поведения советского человека.

¹ Там же. — С. 418.

² См.: Корнаков П. К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // *Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть*. — М., 1997. — С. 356–365; Колоницкий Б. И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // *1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению*. — М., 1997; Он же. Политические символы и борьба за власть в 1917 году. Автореф. дис... д-ра ист. наук. — СПб., 2002; Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции. Пространство, символы, исторические мифы (1917 – 1927). — Казань, 2005.

Важным направлением в изучении рабочих России и СССР первых десятилетий XX в. с позиций антропологического подхода стало исследование их социокультурного облика¹. Некоторые из такого рода работ в той или иной мере освещают и процессы изменений в рабочей среде в годы гражданской войны. Фрагментарно эти сюжеты рассматриваются в трудах, посвященных политике военного коммунизма. Серьезное исследование социокультурного облика промышленных рабочих Урала, охватывающее значительный хронологический период 1900 — 1941 гг. проведено С. П. Постниковым и М. А. Фельдманом. Авторы пришли к выводу, что усиление воздействия пришлых, обездоленных пролетариев на остальных рабочих возросло на Урале в результате изменений в их составе и социальной политике государства в годы Первой мировой войны. «После гражданской войны, — пишут авторы, — молодежь и пришлые рабочие были настроены на поддержку социалистического эксперимента, радикальных методов решения проблем, нигилистическое восприятие культурных традиций», характеризуя 1917 — 1921 гг. как «социокультурную катастрофу»². Пережить ее помогли, по мнению авторов, «корневые начала рабочих Урала, мир внутри человека, отношение его к земле, к природе»³.

В ряде работ исследуются политические и идеологические механизмы, используемые властью в целях индоктринации сознания рабочих и других слоев городского населения в период гражданской войны, а также техники приспособления людей к новому политическому режиму на уровне сознания и поведения. С. В. Яров в своих трудах пришел к выводу, что в 1917 — 1923 гг. изменилась парадигма российского общественного сознания⁴. Изучение этим петербургским историком механизмов рецепции

¹ См.: Соколов А. К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история. — 2003. — № 4, 5; Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900 — 1941). — Екатеринбург, 2006; Яров С. В. Конформизм в советской России: Петроград 1917 — 1920-х гг. — СПб., 2006.

² Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900 — 1941). — С. 401, 406.

³ Там же. — С. 406.

⁴ Яров С. В. Политическое мышление рабочих в 1917 — 1923 годах: элементы трансформации // Менталитет и политическое развитие России. — М., 1996. — С. 120.

советских идеологических моделей в общественном сознании горожан, инструментов и практик конформизма в советской России 1917 — 1920-х гг. включает и важный в этом отношении период Гражданской войны. Автор показал, что система идеологического воздействия и политического просвещения, созданная вскоре после прихода большевиков к власти, становилась не только формой образования, но и формой выражения политической преданности, формой проверки политических убеждений, школой, где заучивались образцы нормативного поведения¹. С. В. Яров показал значение политизации повседневного языка как одной из необходимых предпосылок формирования «советского человека». «Ежедневно говоря на политизированном языке, — отмечает автор, — в котором основные понятия и клише были определены большевистской догматикой, человек неизбежно, хотя и не всегда прямо и быстро, менял свои мировоззренческие ориентиры»². Коллективные практики проведения досуга, по мнению С. В. Ярова, ускоряли переход человека на новые позиции, делали сопротивление режиму менее стойким, скорее подавляя его сомнения, подчеркивая его одиночество в условиях всеобщего «соглашательства». Включенность рабочих в массовые ритуальные формы политической поддержки, оказываемой властям, становилось традицией и «выключенность» из этого ритуала предполагала такое же обнажение антиправительственной позиции, как и публичная оппозиционная речь, поэтому приобщение к коллективному действию в условиях взаимосвязи между политической дискриминацией и понижением социального статуса стало для рабочих и элементом самосохранения³.

Изучение раннесоветской праздничной культуры, формировавшейся в 1917 — 1920 гг., в период революции и Гражданской войны, позволило С. Ю. Малышевой сделать вывод о том, что «революционные празднества» 1917 — 1920 гг., наиболее яркими эпизодами которых стали массовые инсценировки и постановки, сыграли весьма важную роль в ментальной революции

¹ Яров С. В. Политическое мышление рабочих в 1917 – 1923 гг.: элементы трансформации. – М., 1996; Он же. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. – СПб., 1999; Он же. Конформизм в советской России: Петроград 1917 – 1920-х гг. – С. 563; и др.

² Яров С. В. Конформизм в советской России: Петроград 1917 – 1920-х гг. – С. 566.

³ Яров С. В. Политическое мышление рабочих в 1917 – 1923 годах: элементы трансформации. – С. 121.

первых постреволюционных десятилетий¹. «Историко-культурный и социально-психологический смысл празднеств, — пишет С. Ю. Малышева, — был намного сложнее, чем просто иллюстрация основных положений теории классовой борьбы примерами из прошлого. В эти годы закладывалась советская масс-культура»².

Изучение психологии и сознания крестьянства в годы Гражданской войны активно велось в советский период с позиций марксистской историографии в рамках проблематики военного коммунизма, а также роли и позиции крестьян в классовой борьбе в этот период. В 1990-е гг. оно разрабатывалось в русле исследования менталитета крестьян и его поведения в условиях революционного кризиса — войн, реформ и революций начала XX в.³, в ходе борьбы крестьян на два фронта в годы Гражданской войны⁴. Эти испытания, как показали исследователи, в комплексе воздействовали на крестьян в условиях социальной смуты. В то же время одни авторы в большей степени склонны видеть в поведении крестьянства в годы Гражданской войны актуализацию архаичных ментальных кодов (В. П. Булдаков, И. В. Нарский и др.), другие — процессы изменения психологии и менталитета, подготовленные в предшествующий период (В. В. Кабанов, П. С. Кабытов, В. А. Козлов и др.). Так, если А. Лившин утверждает, что «в периоды бурных исторических перемен, гигантских сдвигов тектонического масштаба (революции и гражданские войны) происходит ускорение трансформации менталитета, психология народа обретает новые, часто неожиданные черты»⁵, то И. В. Нарский полагает, что Гражданская война вызвала актуализацию и стремительное распространение доиндустриальных ментальных кодов, чему способствовала их укорененность в крестьянской среде, которая стала проводником «окультуривания» страны в де-

¹ Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции. — С. 166.

² Там же. — С. 167.

³ Менталитет и аграрное развитие России (XIX — XX вв.). — М., 1996; Судьбы российского крестьянства. — М., 1996; Революция и человек: социально-психологический аспект. — М., 1996; Булдаков В. П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия.

⁴ Крестьянство в гражданской войне: борьба на два фронта // Судьбы российского крестьянства. — М., 1996.

⁵ См.: «Красная смута» на «круглом столе» // Отечественная история. — 1998. — № 4. — С. 149.

ревенском, доиндустриальном духе¹. Нам представляется обособленной позиция В. В. Кабанова, который выделял в качестве факторов изменения психологии крестьян опыт, полученный ими в борьбе за установление советской власти и против нее, всеобщую разруху, потери, болезни, экономическую и социальную политику советской власти, и, особенно, тотальную маргинализацию деревни². Отрицательный опыт быстро менял человека и имел далеко идущие последствия: утрата человеческого достоинства, страх, злоба и т. д. В то же время крестьянин, вернувшийся с войны, все же расширял свой кругозор, становился самостоятельнее, уменьшалась власть над ним консервативных традиций, однако позитивные элементы в психологии тонули в море отрицательного опыта. Одновременно в эти годы рождалось новое влияние: духовное формирование новых социальных типов шло путем индоктринации, «напичкивания» лозунгами большевиков, соответственно примитивизируемыми. Как отмечал В. В. Кабанов, происходило «заглатывание» без пережевывания не очень здоровой духовной пищи, а то и ее суррогата³. Неоднозначность изменений социальной психологии крестьянства под влиянием Гражданской войны отмечают и западные исследователи. Так, Ш. Фицпатрик, опираясь на данные О. Файджеса, пишет, что в деревнях ветераны Гражданской войны, несмотря на их молодость, пользовались авторитетом как люди, повидавшие мир, и часто выступали против крестьянского консерватизма, спорили со старшими по миру⁴.

Ветераны Красной армии после Гражданской войны образовали костяк советской администрации. В 1926 — 1927 гг. более половины председателей сельсоветов и более двух третей председателей и членов волостных советов России были ветеранами Красной армии⁵. Ветераны войны из рабочего класса выдвигались и в ряды управляющих промышленностью. Стиль организации и руководс-

¹ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917 — 1922 гг. — М., 2001. — С. 565.

² Кабанов В. В. Влияние войн и революций на крестьянство // Революция и человек: социально-психологический аспект. — С. 142–143.

³ Там же. — С. 143–146.

⁴ Фицпатрик Ш. Гражданская война в советской истории: западная историография и интерпретации // Гражданская война в России: перекресток мнений. — М., 1994. — С. 354.

⁵ Там же.

тва ветеранов отражал их военный опыт и «штатские» коммунисты часто сетовали, что ими командуют вместо того, чтобы советоваться с ними и что они мало ценят демократические принципы советской власти¹. Н. К. Крупская писала о политвоспитательной работе в начале 1920-х гг.: «Когда гражданская война стала подходить к концу, в политпросвет влились громадные кадры военных работников, перенесшие в политпросветработу все методы работы на фронте. Самодеятельность населения, все формы углубленной работы были сведены на нет»². В целом, опираясь на данные исследователей, можно говорить о глубоком влиянии идеологии и психологии военного коммунизма и опыта гражданской войны на формирование политической культуры не только советской партийно-государственной элиты, но и всего советского общества.

В современной историографии убедительно обоснован тезис о широком применении насилия и террора обеими противоборствующими сторонами не только по отношению к вооруженному противнику, но и мирному населению. Мотивы мести, устрашения, наживы, аффективные состояния были психологическим контекстом поступков людей, вовлеченных в противостояние, по обе стороны баррикад. Актуализация архаичных инстинктов, смещение нравственных ориентиров, моральное разложение было характерно для представителей как «белого», так и для «красного» лагерей.

В последнее десятилетие активно изучается социокультурный и социально-психологический облик российского офицерства в период войн и революций начала XX в., в том числе в период Гражданской войны³. Позиция в Гражданской войне белого офицерства, тех, кто считался опорой российской государственности, понятна лишь в контексте опыта мировой войны, па-

¹ Там же. – С. 354–355.

² Письмо Н. К. Крупской Чистову, 1928. // Цит. по: Фицпатрик Ш. Гражданская война в советской истории. – С. 363.

³ См.: Волков С. Трагедия русского офицерства. Офицерский корпус России в революции, гражданской войне и на чужбине. – М., 2002; Он же. Русское офицерство как историко-культурный феномен // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. – М., 2002; Кожевин В. Л. Неформальные традиции российской военной школы конца XIX – начала XX вв. // Там же; Сергеев Е. Ю. Представленческие модели российской военной элиты начала XX в. // Там же; Гапкуев Р. Г. Психология взаимоотношений командного и рядового состава и полковые традиции частей Добровольческой Армии (на примере «коренных» полков) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/4. – М., 2005; и др.

дения самодержавия, большевистского переворота¹. Ключевым в судьбе офицерства фактором, по мнению И. В. Михайлова, стала необходимость после Февраля самоопределиться по отношению к народу, крестьянству, составлявшему большинство населения. От того, как крестьяне воспринимали наиболее активных представителей старой России, по сути дела зависело будущее России, что и предопределило в конечном счете судьбу белого движения².

Другим важным современным направлением антропологически-ориентированных исследований Гражданской войны стало изучение стратегий выживания как наиболее типичных моделей поведения различных категорий населения в условиях социальной катастрофы. В этом отношении сделаны лишь первые, однако весьма плодотворные шаги. Изучение В. В. Канищевым техник выживания и приспособления населения к условиям военного коммунизма на материале центральных регионов России³ показало широкое распространение легальных, полулегальных и нелегальных практик выживания и бытового приспособления, включавших устройство в хлебные места, уклонение от призыва в Красную армию и от различных повинностей, массовое мешочничество, расхищение казенного и бесхозного имущества, манипуляции с продовольственными карточками, ограбления и кражи, злоупотребления служебным положением. В. В. Канищев исследовал также бунтарские (погромные) формы массовых волнений в городах в годы мировой войны, революции и начала Гражданской войны⁴. Он показал, что бунтарскими вспышками часто сопровождались забастовки и демонстрации рабочих и других слоев городского населения⁵, бунтарский характер имели действия рабочих во вре-

¹ Михайлов И. В. Быт, нравы и психология белого офицерства: к постановке проблемы // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. – С. 159.

² Там же.

³ Канищев В. В. Приспособление ради выживания (Мещанское бытие эпохи «военного коммунизма») // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. – С. 98–116; Ушаков А. И., Федюк В. П. Гражданская война: новое прочтение старых проблем // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996; Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. – М., 1997.

⁴ Канищев В. В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917 – 1918 гг. – Тамбов, 1995.

⁵ Там же. – С. 46–47.

мя продовольственных волнений¹. Особенно широкие масштабы погромное движение приобрело после Февральской революции, события которой во многом развивались, как показал автор, по классической схеме «русского бунта»². Изучение поведения масс в период революции и гражданской войны, предпринятое В. В. Канищевым на основе многомерного количественного анализа системы параметров стихийно-бунтарских выступлений различных слоев населения городов в период с февраля 1917 г. по август 1918 г.³, позволило обосновать вывод о том, что это была борьба традиционных слоев российского общества за «хлеб» и «волю» весьма примитивными расправными и захватными способами⁴.

К выводу о господстве архаичных кодов и стереотипов в поведении населения в годы Гражданской войны на материалах Урала пришел И. В. Нарский. В исследовании И. В. Нарского, выполненном в русле истории повседневности, реконструирована стратегия выживания населения Урала в период революции и Гражданской войны в условиях гуманитарной катастрофы, показаны психологические механизмы, мотивы, формы и техники адаптации к экстремальным условиям, реакция людей на события 1917 — 1922 гг., их восприятие, переживание и осмысление⁵. Так, автор обосновал положение о том, что «в обстановке хаоса власти и развала экономики, нагнетания террора и массовой маргинализации населения оказались востребованными доиндустриальные культурные «инстинкты» и образцы поведения.... Практически каждый из «слабых мира сего» волей-неволей апробировал широкий спектр малопочтенных и рискованных способов выживания»⁶.

Таким образом, как показывают современные исследования, опыт и «менталитет» Гражданской войны имели ключевое значение для формирования большевистской политической культуры, общественного сознания и психологии массовых слоев общества в начальный период советской истории. Беспощадность к врагам,

¹ Там же. — С. 47–48.

² Там же. — С. 51.

³ Канищев В.В. Можно ли измерить параметры «русского бунта»? // Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе. Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». — М., 2001. — С. 134–159.

⁴ Там же. — С. 155.

⁵ См.: Нарский И.В. Жизнь в катастрофе.

⁶ Там же. — С. 564.

непоколебимая вера в социалистические идеалы, мужество перед лицом смерти, жертвенность во имя светлого завтра были теми нормативами поведения и ценностными установками, на которых воспитывались поколения советских людей, а наследие Гражданской войны долго давало о себе знать в истории советского общества.

Русакова Е. В., Попова О. Г.

К вопросу о типологии антибольшевистского повстанчества в годы Гражданской войны в России

Тема Гражданской войны — одна из самых неоднозначных в российской истории. Многие исследователи предлагают свою точку зрения на проблему антибольшевистского повстанчества как на третью силу, действующую во время Гражданской войны. В. Н. Бровкин пишет, что эта третья сила «не стала самостоятельным центром, претендующим на власть более чем в региональном масштабе. Крестьяне не могли победить, так как они никогда не стремились овладеть государством. Русским крестьянам не доставало политической сознательности — в том смысле, что им было все равно, какова форма правления в России»¹. А. Венков полагает, что идеи третьего пути были широко распространены в среде донского казачества. Но здесь они приняли форму иллюзии «классового мира». Любые переходы какого-либо отряда на сторону красных или белых подрывали веру в эту возможность, возвращали в «двуцветную» реальность². Не ставя под сомнение существование этой третьей силы, оба автора приходят к выводу о ее реальном бессилии. Интересна также позиция В. Шамбарова в этом вопросе. Он полагает, что «зеленое движение» не являлось третьей силой. В противоборстве белых и красных зеленая сторона представляла не третий путь, а «нулевой вариант», тот самый «первичный хаос», из

¹ Бровкин В. Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы. // Вопросы истории. — 1994. — № 5. — С. 30/

² Венков А. В. Донское казачество в гражданской войне (1918 — 1920). — Ростов н/Д., 1992.